

Адо́льф АРЦИШЕВСКИЙ

«...И ЖИЗНЬЮ ПЕРЕПОЛНЕН НЕБОСВОД»

«Дорогим читателям – от автора» – с таким посвящением-автографом буквально за несколько дней до его кончины вышла последняя стихотворная (интерактивная – в духе времени) книга Адольфа Арцишевского. Аудитория у него была большая, диапазон прозы, публицистики, драматургии, критики, документалистики,

поэзии настолько широк и своеобразен, что, действительно, все, кто ему внимал, были для неутомимого сочинителя дорогими и по жизни, и по душе.

Адольф Альфонсович обладал многими талантами, проявил себя первоклассным журналистом, автором великолепных эссе, повестей и рассказов, биографических книг о современниках, сценариев кинофильмов, пьес, переводчиком казахских писателей на русский язык, редактором, завлитом театра... и вообще – кем он только не был?!

Особым предпочтением в литературе пользовалась у него поэзия. Он знал многих лириков прошлого и настоящего, читал их наизусть, и благодаря высокому мастерству декламации даже далеко не шедевры выглядели в устах актера, каким, несомненно, был сам чтец, жемчужинами в дорогой оправе. А свои собственные вещи он старался отточить до филигранного блеска и потому оставил среди своих отвлечений на другие дела сравнительно небольшое поэтическое наследие.

Публикуем в подборке из упомянутой книги «Я пытаюсь найти слова» сочинения, написанные в разные годы. Среди них – посвященные музе мастера, жене Маргарите.

Пусть творениям настоящего художника Слова, каким запечатлелся в нашем сознании Адольф Арцишевский, будет суждена долгая и счастливая жизнь.

Сагин-Гирей

* * *

Горячий ветер пламенной пустыни –
Что жар моих желаний и страстей.
Я думал, сердце с возрастом остынет
От риска, сумасбродства, скоростей.

Но нет, не все получены ответы
На вечные вопросы бытия,
Хотя давно бессонные рассветы
Открыли мне моё второе «я»,

Хотя пришла пугающая трезвость,
Которая забыться не даёт, –
Она мгновенно бритвою отрежет
Любое заблуждение моё...

Но отчего же ты ещё моложе,
И всем законам жизни вопреки
В глаза твои, знакомые до дрожи,
Смотрю, как вглубь неизвестной реки?..

* * *

Инне Потахиной

Я всё понимаю. Мы смертны немного –
Бессмертие нам лишь отчасти дано.
Осилим любую по жизни дорогу,
Порукой тому – любовь и вино.

И как пулевое, сквозное раненье –
До боли сердечной, до стука в висках –
В крови возникают слова-откровенья
И всё, что мы любим, лежит на весах.

Стихи, как полет мотылька, невесомость,
Как тени ночные и пламя свечи –
В них предопущенье смертельной истомы,
Когда не помогут ни Бог, ни врачи.

Предчувствие слова, рождения, смерти,
Предчувствие счастья и горя – одной
Строкой ли сердечной, строфой соизмерить,
А может быть, жизнью своей и судьбой?.

* * *

Не умею плести словеса,
Лишь касанием робким и взглядом –
Так ложится на листья роса –
Мне с тобою хотелось быть рядом.

Так скрипичные струны смычку
Доверяют заветные тайны.
Так весеннего солнца лучу
Покоряется шорох проталин.

А безудержность нежных речей,
Неуёмность разбуженной страсти
Поручу я ручью – пусть ручей
Оградит от словесной напасти.

Ночь со мною идёт на разбой,
Обнимая горячие плечи...
Наконец-то я снова с тобой.
И какие тут могут быть речи?..

* * *

Понять бы мне мою природу:
Какая кровь пульсирует во мне –
То ли синайского народа,
То ль скифа на беспривязном коне?

Понять бы мне, какие грозы
Вбирал мой спящий генотип?
Мой пращур лил какие слёзы,
Бродя вдоль Млечного пути?..

Я тоже передам потомкам
Бесценный опыт бытия.
О, сколько там, в моей котомке,
Того, что знать могу лишь я!..

И с тем, что в хромосомах скрыто,
И что открыто, на виду,
С безумной страстью неофита
Я в лоно вечности войду.

Речами, жадными очами
Мой пращур совершил почин:
Понятно, я не изначален,
Я лишь как следствие причин...

У косогора, где спросонок
Рассвет в шиповнике увяз,
Звезда забылась как ребенок.
Чуть слышно что-то шепчет вяз.

И в контрапункте мирозданья,
Где сплав народов и времён,
Мои сомненья и незнанье,
Как звон тоскующих стремён.

* * *

Пришла осенняя пора,
А у меня на грядках пусто,
Как будто их травили дустом...
И не пошла в кочан капуста –
Одной картошки полведра.
Смотрю на паутины нить,
Что отлетает с бабьим летом
Последним солнечным приветом,
Хотя зима по всем приметам
Готова и повременить.
Долги пора бы отдавать,
А у меня в карманах пусто:
Не слышно денежного хруста,
И даже мелочи не густо,
Так – что-то звякает едва.
Стою, на заступ опершись,
Свои усилия итожа:
И огородник я негожий,
И у судьбы не вышел рожей
(Что, в сущности, одно и то же),
И счет мой, видно, заморожен
На всю оставшуюся жизнь.
Но утешенье мне дано:
Полет тончайшей паутины,
Седых небес простор былинный,
И запах осени полынный,
Да это терпкое вино.

Свеча

Уныние – плохой советчик,
Немой тоски греховна речь...
Я с вечера затеплю свечи,
Чтобы в ночи огонь стеречь.

Клинок свечи, пронзая вечность,
Подсказывает верный путь –
Он и предательством отмечен,
И могут в том пути распнуть,

Но трепет пламени живого
Меня сумеет уберечь
От слова ложного и злого,
От гибельных, недобрых встреч.

Стансы

* * *

Словесный блуд одолевая,
На говорящих не рошцу.
Там, где отметка нулевая,
Закономерности ищу.

Из мимолетных впечатлений
Пытаюсь истину извлечь,
И для меня как преступленье
Звучащая впустую речь.

Живу на острие исканий,
И подсознание мое,
Как высокочастотный сканер,
Всё распознает и поймет.

Но есть неуловимость тайны,
Что в детском лепете живет,
В словах, услышанных случайно,
В поступках женщины нечаянных,
Где всё порой наоборот...

И я смотрю, благоговей,
Как надвигается гроза:
В зарницах тучи багровеют
И рифма трепетная зреет –
Бесхитростная, как слеза.

* * *

Тишайшей осенью
В державном листопаде
Обострены и зрение, и слух,
И жизни прожитой громада
Незримо замыкает круг.

Уже подведены итоги,
Уже вчерне готов архив...
Присядем, что ли, на дорогу,
Шопена как бы упредив?..

Но желтый лист, упавший с неба,
Вернет меня моим делам,
И жизнью снова я востребован,
Где скорбь и радость – пополам.

И нескончаема дорога –
С утра до звезд по ней идти.
Ну а тревога, знать, от Бога –
И нам, наверно, по пути.

* * *

Что назову я своим в этом мире –
Разве что небо над головою?
Похмелье моё со вчерашнего пира,
Тоску, от которой вот-вот я завою?

Деньги и власть – словно грязь на ладони,
Где проступают линии жизни...
Что я возьму после смерти с собою?
Только любовь мою к вечной отчизне –

К этой земле и звёздному небу,
К вольному ветру, живущему в поле,
К этому доброму, верному хлебу
И к левитановской грусти и боли...

Что назову я своим в мире этом –
Чем дорожил, соглашаясь и споря?
Словом негромким, дыханьем согретым,
Где все оттенки счастья и горя.

Чем дорожил я? Участием друга,
Встреча с которым теперь уж за краем
Этого ясного звёздного круга,
Что называем с надеждою раем.

Ну и последнее: ласки любимой,
Нежность, что сердце пронзает до дрожи,
Лепет ребёнка неповторимый...
Что может быть в этой жизни дороже?

* * *

Я к тебе на порог
С поднебесья спустился –
С вольным ветром дорог
На часок распростился.

Ты меня обняла,
Ты меня полонила –
Ты моих два крыла
Незначай обломила.

А теперь говоришь:
«Сокол мой молодой,
Что же ты не летишь
За живую водой?»

За добычей кровавой,
За свежую славой.
У порога сидишь
И грустишь, и молчишь...»

Мне бы ввысь, напролом –
В синеву поднебесья,
Да немеет крыло,
Как неспетая песня.

* * *

Маргарите

А может, правда: врут календари?..
Опять засентябрило в марте.
Ругать природу иль благодарить
За эти несуразные помарки...

Я заблудился в круговерти дней,
Всё спуталось – весна и осень.
Люблю тебя еще сильней,
Хоть на душе и в сердце проседь.

Я понимаю: я случайный гость –
Октябрь хмурый в солнечном апреле.
Душа моя – заброшенный погост,
Где спят мои надежды и потери.

Но сердце, позабывшее себя,
Живущее отдельно, где-то рядом,
Цветет безумное в морозы декабря,
Когда с тобой соприкасаюсь взглядом.

* * *

Я пытаюсь найти слова,
Что смиряют сомненья и споры –
Не является ясность сама,
Не находится точка опоры.

В шелухе повседневных речей,
В эпицентре пустых разговоров
Словно соколы в стае грачей
Те слова проявляют норы.

И таинственной истины свет
В слове тихом среди гиблых торосов –
Всё спасающий новый Завет
Посреди судьбоносных вопросов...

В раскалённый глагол войду
И в холодную поступь наречий,
Побываю в раю и в аду
И Вергилия, может быть, встречу.

Мне бы только слова понять
И глубокие замыслы Бога...
И не надо слову пенять,
Коли выглядит слово убого.

Там живёт неразрывная связь
Меж губами моими и небом,
В слове светится звёздная вязь,
В слове – запах воды и хлеба...

* * *

Акация в беспамятстве цветения
Погружена в благоухающие сны,
Простерлись до небес её владения,
Границы у которых не видны.

Охваченная пламенем крылатых,
Она собой преобразила день,
И гром небесный Понтию Пилату
Врачует застарелую мигрень...

А ночью, до утра впадая в дрему
И завораживая звёздный рой,
Внимая откатившемуся грому
И жизни, что струится под корой,

Акация опять царит над миром,
Хотя уже объявлен приговор
И, как в трагедии Софокла и Шекспира,
Звонит – Бог знает где – за сценою топор.

Но невзирая на законы жанра,
Самозабвенно дерево цветёт,
И от цветенья даже небу жарко,
И жизнью переполнен небосвод.

